

— Дядя, — Тун Цинхэ до сих пор не мог поверить в происходящее. Он не мог поверить, что человек, о котором он так долго думал, вдруг появился, словно по волшебству, прямо перед ним, как будто его вытащили из цилиндра, только не на красивых разноцветных облаках, а за рулем крутого истребителя.

Воздушный контроль Федерации был подобен плотной паутине, не пропуская никаких подозрительных летательных аппаратов. Тун Цинхэ хотел спросить Цзян Шаочжи, как он проник, не нарушил ли закон, но, когда слова сорвались с губ, он понял, что есть более важные вопросы, которые он хотел задать Цзян Шаочжи.

Он спросил:

— Ты не ранен?

Так долго не было никаких вестей, и Тун Цинхэ каждый день боялся за безопасность Цзян Шаочжи. Сначала он пытался найти в военных новостях любую зацепку, связанную с Цзян Шаочжи, а потом стал нарочно избегать всех военных новостей.

Молчаливое ожидание — самое тяжелое испытание для души. Воля Тун Цинхэ была далеко не такой сильной, как у Цзян Шаочжи. Стойкость — это то, чему приходилось учиться, заставляя себя принимать и осваивать с течением времени.

Он думал, что достаточно силен, но, увидев Цзян Шаочжи, его психологическая защита тут же рухнула. Долгое ожидание заставляло его чувствовать обиду, и выражение любви или нелюбви отошло на второй план перед угрозой жизни и безопасности.

Тот отставной солдат, которого духовное животное заживо укусило, оторвав кость вместе с плотью. Тун Цинхэ был благодарен, что Цзян Шаочжи цел. Сила, которой он когда-то восхищался, была просто необходимым условием для победы Цзян Шаочжи на поле боя. Если бы он не победил, он бы пострадал сам.

К счастью, к счастью.

Тун Цинхэ был рад, что Цзян Шаочжи такой сильный. Он хотел, чтобы в каждой миссии Цзян Шаочжи только побеждал. Он желал лишь спокойствия.

— Дядя, как хорошо тебя видеть.

Цзян Шаочжи, глядя на тронутую до глубины души Омегу, заметно смягчил свое строгое лицо и вдруг улыбнулся:

— Что случилось?

Тун Цинхэ не ответил. Гладкий и крутой истребитель пронзал облака. Цзян Шаочжи легко

управлял траекторией полета. Спустя четыре часа Тун Цинхэ вышел из самолета вслед за Цзян Шаочжи, и перед его глазами предстала военная база.

Военная база была холодной и строгой. Тун Цинхэ мгновенно выпрямил спину, соблюдая осторожность, и шел за Цзян Шаочжи, не осмеливаясь оглядываться. Он не отрываясь смотрел на широкую спину Цзян Шаочжи:

— Дядя, ты уверен, что мне можно сюда?

Цзян Шаочжи взял его за руку:

— Сегодня я просто присутствую на совещании. Миссия закончилась на несколько дней раньше. Сейчас мы остаемся здесь для восстановительных работ после боя. Изначально это нас не касалось, но, к сожалению...

Цзян Шаочжи редко улыбался:

— Пойдем.

К счастью, Цзян Шаочжи не заставил Тун Цинхэ ни с кем встречаться. Его отвели в комнату Цзян Шаочжи, где о нем должен был заботиться специальный человек.

В комнате было немного вещей Цзян Шаочжи. На вешалке висела военная шинель — единственная вещь, связанная с Цзян Шаочжи.

Тун Цинхэ до сих пор не мог поверить, что они встретились, и даже прилетели на четыре часа в другую страну.

В помещении была установлена комфортная температура. Тун Цинхэ снял шинель, осторожно прижал ее к себе и только тогда почувствовал на ней слабый запах пота. В суровую зиму такой запах мог появиться на одежде только после очень долгого ношения. Думая об этом, Тун Цинхэ прижимал ее крепче.

Он был очень уставшим, и его сильный дух, который он поддерживал до встречи с Цзян Шаочжи, окончательно расслабился. Без какого-либо давления, он лег на кровать, на которой спал Цзян Шаочжи, и погрузился в сон.

После победы над пиратами, спецотряд «Цюн Ци» получил большую похвалу. Шэнь Цзун, как новичок, впервые участвовавший в миссии S-класса, показал себя лучше всех, но и получил самые серьезные травмы. В настоящее время он находится в больнице на лечении.

Цзян Шаочжи, вернувшись, вскользь упомянул об этом. Тун Цинхэ тут же рассказал ему о гоне Ци Ваня.

Даже если беспокойство и забота Тун Цинхэ были направлены на человека того же гендера, Цзян Шаочжи все равно был немного недоволен.

— Позаботься обо мне.

Альфа сказал это без всякого стеснения. Воспользовавшись редкой возможностью побыть вдвоем, Цзян Шаочжи дорожил каждой секундой и явно не хотел, чтобы его Омега тратил свои мысли на кого-то другого.

В помещении была очень хорошая звукоизоляция. Цзян Шаочжи естественно выпустил слабый аромат сандала, окутывая Тун Цинхэ всем своим существом.

На руке Тун Цинхэ было обручальное кольцо. Увидев пустой палец Цзян Шаочжи, он сжался в груди. Он долго подбирал слова в голове, но не успел ничего сказать. Цзян Шаочжи достал из кармана брюк такое же кольцо, подхватил его и усадил к себе на колени, слегка подняв голову, чтобы посмотреть на Тун Цинхэ:

— Надень его мне.

На войне не бывает пощады, и Цзян Шаочжи не хотел, чтобы его единственное обручальное кольцо потерялось в такой ситуации.

Тун Цинхэ тут же надел кольцо на палец Цзян Шаочжи. Он ухватился за его руку, внимательно рассматривая каждый контур его лица.

Лицо Цзян Шаочжи было худым и суровым, волосы сильно подстрижены. Короткие черные волосы почти прилипали к коже головы, отчего он выглядел более холодным и неприступным.

Тун Цинхэ дотронулся до макушки Цзян Шаочжи. Тот обхватил его руку, придвинулся ближе и поцеловал его. Рука, лежащая на талии, сжимала его все сильнее. Тун Цинхэ оказался полулежащим в объятиях Цзян Шаочжи, под ним был не самый мягкий матрас.

— Тун-Тун, — Цзян Шаочжи повернул голову, не продолжая поцелуй. Он уткнулся щекой в шею Тун Цинхэ, обнимая его целиком. — Очень похудел.

Тун Цинхэ обнял Цзян Шаочжи за шею:

— Волновался за тебя, плохо спал по ночам, вот так и получилось.

Быть спутником военного требует большего мужества и терпения, чем в обычной паре, потому что их партнеры находятся в смертельной опасности во время миссий. При этом нет никакой информации. Каждое задание — это самое мучительное ожидание для тех, кто остался дома.

Тун Цинхэ крепко обнял Цзян Шаочжи:

— Я хочу верить в тебя, Дядя, но не могу сдержаться, постоянно переживаю.

Его отец был военным. Он погиб в результате несчастного случая на задании еще до его рождения, из-за чего его Омега-отец впал в депрессию.

Теперь Тун Цинхэ наконец-то ясно понял, какие муки испытывал его Омега-отец. Сердце, долго висевшее на волоске, было разбито плохими новостями, и от него ничего не осталось.

Самое страшное в жизни — это не иметь ничего, о чем можно мечтать, а еще страшнее — не увидеть последний раз того, кто дорог.

Тун Цинхэ боялся представить себе чувство отчаяния, которое приходит после бесконечных надежд и ожиданий. Он подавил жжение в носу и четко пообещал Цзян Шаочжи:

— Я обязательно верну свой вес.

И серьезно добавил:

— Дядя, ты должен следить за мной.

Он должен был следить за ним.

Тун Цинхэ не стал спрашивать Цзян Шаочжи о том, что он пережил за это время. Он не хотел докапываться до сути, он просто хотел, чтобы Цзян Шаочжи был в безопасности.

Он был очень уставшим.

Тун Цинхэ прошептал несколько слов Цзян Шаочжи и, не выпуская его из объятий, погрузился в сон. Он не отпускал Цзян Шаочжи даже во сне. В итоге, Цзян Шаочжи обнаружил, что не может отодвинуть своего Омегу. Когда ему понадобилось срочно отправиться в строительный центр, он просто взял его на руки, завернул в шинель и понес с собой.

Ввиду того, что высшее руководство заключило с Гуной некое соглашение, отряд Цзян Шаочжи, под предлогом обмена опытом, закончил почти все восстановительные работы, прежде чем вернуться.

Накануне возвращения Цзян Шаочжи, повсюду ходящий с кем-то на руках, произвел фурор в отряде. Он оглядел солдат, притаившихся вокруг. Даже старые генералы пришли посмотреть на это представление.

— Это маленькая супруга!

Все единогласно пришли к такому выводу. Спящий в объятиях Цзян Шаочжи человек слегка пошевелился, высунул лицо из шинели и тут же, испугавшись, спрятался обратно.

— Дядя, я почему... почему... — Тун Цинхэ сбился с толку, дергал Цзян Шаочжи за одежду. Он чувствовал, что позорит Цзян Шаочжи. Его руки и ноги оцепенели, и, слушая шепот вокруг, он покраснел и вспотел.

Цзян Шаочжи посмеялся, опустил глаза и посмотрел на него:

— Теперь стесняться уже поздно.

Тун Цинхэ смущенно улыбнулся. Он попросил Цзян Шаочжи отпустить его, но, столкнувшись с дружелюбными и любопытными взглядами, стыдливо прятался за Цзян Шаочжи, используя его высокое тело, чтобы скрыть себя.

Его маленькие уловки не ускользнули от взгляда Цзян Шаочжи. Из-за недавних опасных миссий Цзян Шаочжи ходил с каменным лицом, и атмосфера в отряде была строгой и холодной. Все боялись Цзян Шаочжи, но после приезда маленького супруга, настроение в отряде сразу же изменилось.

Условия в строящемся лагере были хуже, чем на базе. Он находился у моря, и зимний морской ветер обжигал лицо.

Тун Цинхэ, как пушистый комочек, следовал за Цзян Шаочжи, останавливаясь и идя, неуклюже и неуверенно.

Цзян Шаочжи вдруг взял его за руку:

— Завтра я поведу тебя на свадьбу.

<http://bllate.org/book/4/127>